

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (47) «18»: 930.2 (=111)

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС: ОПЫТ КОНТАКТОВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ*

Л.В. СЕНИНА

*Черниговский национальный
педагогический университет
им. Т.Г. Шевченко, Украина*

e-mail: slv1512@mail.ru

В статье рассмотрены работы англоязычных историков, в разной степени использующих цивилизационный подход к изучению всемирной истории и Восточного вопроса в частности. Автор приходит к выводу, что англоязычный научный дискурс присваивает Российской империи двойной статус как западной, так и незападной державы. Потенциал цивилизационного подхода раскрыт в связи с философской проблемой «инаковости».

Ключевые слова: Восточный вопрос, Российская империя, великие державы, англоязычная историография.

Режим активного культурного обмена в современном мире обуславливает необходимость поиска путей восприятия иных субъектов мирового пространства и построения диалога с ними. В связи с обозначенными процессами актуальными становятся работы, прогнозирующие дальнейшее развитие мировых отношений, а также исследования, излагающие историю этих контактов. Категория «цивилизация» в работах такого рода вносит параметр упорядоченности в многоукладную систему международных отношений и дает возможность уловить принципы взаимодействия культурных сообществ.

Восточный вопрос в цивилизационной парадигме представляет собой историю межкультурного контакта. Актуальная сегодня проблема российской идентичности предопределяет необходимость постижения роли Российской империи в этом противостоянии цивилизаций. Видение цивилизационной природы этого международного конфликта конца XVIII – начала XX в. связано в отечественной науке прежде всего с именами С.Соловьева и Н. Данилевского, в то время как подобные идеи в англоязычной научной литературе не получили полного освещения в отечественной историографии Восточного вопроса. Советские историки критиковали цивилизаци-

* Работа выполнена в рамках госбюджетной темы № 4-2012 Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины «Российская империя в XIX – начале XX ст.: механизмы взаимодействия власти и общества (региональный аспект)».

онный подход к конфликту, применяемый отечественными и зарубежными специалистами, т.к. иная раскадровка истории вступала в противоречия с догматическим формационным инструментарием¹.

Учитывая семантическую неоднозначность термина «цивилизация», следует акцентировать внимание, что в данной статье под цивилизационным подходом понимается видение цивилизации как отдельной культурной общности; вместе с тем такая трактовка вызвана характером исследуемых нами историографических источников: мы всего лишь проецируем видение цивилизации авторами, работы которых будут рассмотрены далее.

Целью настоящего исследования является не только определение оценки Восточного вопроса как контакта цивилизаций и места Российской империи в мировом пространстве соответствующей эпохи в англоязычной литературе, но и выявление методологического потенциала самого подхода. Поэтому, на наш взгляд, уместно разъяснить наше понимание цивилизации как категории исторического исследования. Разделяя точку зрения М. Барга, мы считаем, что цивилизационный подход, ставящий в центр исследования человека как участника макропространства (общества) прошлого, уравнивает и взаимодополняет субъект-объектную составляющую исторического исследования².

Цивилизационный подход в изучении Восточного вопроса в англоязычной историографии сформировался в трудах, написанных в эпоху завершения самой проблемы. Ученые Дж. Марриотт и М. Джестроу в изложении своего видения природы конфликта не ограничиваются исследованием исключительно дипломатической составляющей проблемы, но в то же время ученые по-разному выстраивают свой фокус исследования на основании цивилизационной сути самой проблемы.

Британский исследователь Дж. Марриотт утверждает, что Восточный вопрос – давняя и внутренне сложившаяся проблема Европы, вызванная столкновением культур Запада и Востока на территории Юго-Восточной Европы, прежде проявлявшаяся в греко-персидском противостоянии, арабских средневековых завоеваниях, крестовых походах, а затем обусловлена существованием в самой Европе «чужеродной сущности» – Османской империи³. Роль России в данном противостоянии освещена историком с дипломатических позиций, но, принимая их во внимание, постигнуть место этой державы в системе координат «Запад-Восток» в видении Дж. Марриотта представляется возможным. Исследователь выносит отдельным аспектом Восточного вопроса положение России в Европе, а, говоря о допетровских временах, утверждает, что на тот момент державу было тяжело назвать западной⁴. По мнению Дж. Марриотта, Европа не сразу осознала серьезность российского продвижения к Черному морю, поскольку сама Россия позже вошла на сцену европейской политики⁵. Таким образом, в цивилизационном противостоянии Россия предстает на стороне Запада. Однако следует сказать, что в данной работе Дж. Марриотт рассматривает Восточный вопрос в контексте его роли в развязывании Первой мировой войны, следовательно, историк уделяет большее внимание внутриамериканскому блоковому разделению – Антанте и Тройственному союзу. Именно эта оптика поставила Российскую империю в группу противников Германии и, по нашему убеждению, лишила автора необходимости размышлять более детально об особенностях ее статуса. Очевидно, что военные действия обуславливали манихейское видение противостояния, что обосновало размещение Дж. Марриоттом Российской империи в западном блоке.

¹ Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н.С. Кивячина. М., 1978. С. 14-16, 24-31.

² Бург М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С.25-40.

³ Marriott J. A. R. The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy. Oxford, 1917. P.1

⁴ Там же. P. 2-3; 117.

⁵ Там же. P. 5-6

Американский востоковед М. Джестроу написал свою работу в 1920 г., в период послевоенного обустройства мира. В отличие от упомянутого выше Дж. Марриотта американский исследователь видит цивилизационные противоречия между Востоком и Западом не основой проблемы, а лишь ее отдельным аспектом. М. Джестроу утверждает о существовании магнитоподобных отношений между обоими культурными центрами, в основе которых стремление одной цивилизации контролировать другую. Началом этого масштабного конфликта ученый видит походы Александра Македонского, а противостояние, начавшееся в XVIII в., является очередной «обратной волной», попыткой Запада покорить Восток⁶. Место России в этом противостоянии определяется по принципу, примененному к работе британского историка. Империя упоминается в контексте дипломатических перипетий, ее мотивы не отделяют ее в особый лагерь, она предстает участником западного сообщества. При этом в работе М. Джестроу сделан акцент на России как стороне, покинувшей Восточный вопрос, пережившей внутренние изменения под натиском демократических сил⁷.

Таким образом, первые исследователи Восточного вопроса, использовавшие в разной степени цивилизационный подход в своих исследованиях, не уделяли особого внимания месту Российской империи в системе «Запад-Восток». Ее активное участие в дипломатической жизни Европы, цели внешней политики и события внутривосточной жизни способствовали помещению ее в западной плоскости как участницы Восточного вопроса.

Современные ученые Великобритании и США не акцентируют внимание на Восточном вопросе в своих исследованиях истории цивилизаций. Однако реконструкция оценки сторон противостояния представляется возможной путем проецирования хронологических и географических рамок самого Восточного вопроса в сконструированное самими учеными историческое пространство.

Английский историк А. Тойнби, выдающийся разработчик цивилизационной теории, в первой главе своей работы «Западный вопрос в Греции и Турции: исследование контактов цивилизаций» (1920) для изложения своего видения проблемы как взаимодействия культурных единиц использует метафору «тень Запада». Международные противоречия между великими державами, возникшие в связи с ослаблением Османской империи, по мнению историка, вызваны столкновением живой цивилизации Запада, погибшей цивилизации Ближнего Востока (греко-римский мир) и пребывающей в агонии цивилизации Среднего Востока (в лице Османской империи). При этом народы двух последних названных общностей с целью самосохранения адаптируют элементы западной культуры. Однако этот процесс, по мнению самого А. Тойнби, схож «на внезапный и неуклюжий разлив нового вина в старые бутылки»⁸. Заимствование чужеродных элементов носит преимущественно механический характер и не отвечает местным особенностям культурной общности, что влечет за собой развитие деструктивных процессов. Под «тенью Запада» историк подразумевает, прежде всего, национализм, расцветший на Балканах в результате заимствования западной трактовки идеи национальности⁹.

Реконструкция видения Российской империи в этом цивилизационном противостоянии дополняется за счет работ «Постижение истории» и «Мир и Запад». Россия предстает отдельной цивилизацией, сформированной под влиянием Константинополя, которая дала свой ответ на вызов Запада, и в лице Петра I дала пример противостояния западной экспансии другим сообществам¹⁰. Если суммировать данное видение России с идеями, представленными в работе «Западный вопрос...», то Вос-

⁶ Jastrow M. The Eastern Question and Its Solution. Philadelphia & London, 1920. P. 14-44

⁷ Там же. P. 55, 75

⁸ Toynbee A. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilizations. London, Bombay, Sydney, 1922. P. 15.

⁹ Там же. P. 15-21.

¹⁰ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 46-47, 436-443.

точный вопрос предстает как арена борьбы четырех цивилизаций. При этом действия Российской империи, реализация собственных планов в Восточном вопросе были ответом на вызов Запада, в то время как Османская империя, по утверждению А. Тойнби, пребывала в поиске такого ответа и принимала Запад малыми дозами до прихода к власти Мустафы Кемала Ататюрка¹¹.

С. Хантингтон также не выделяет Восточный вопрос как отдельную главу в цивилизационном контакте. Географическое районирование цивилизаций, данное ученым, позволяет соотнести главных участников Восточного вопроса с выделенными им цивилизациями: западной, православной и исламской. Ключевым моментом в истории стал подъем Запада, задавший новую ритмику существования мировых сообществ: «Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему однонаправленному воздействию Запада на все остальные цивилизации»¹². Реформы Петра I, по мнению американского ученого, способствовали тому, что России удалось, в отличие от Османской империи, стать полноправным участником системы международных отношений¹³. Таким образом, противостояние эпохи Восточного вопроса, вызванное натиском западной цивилизации, было борьбой трех культурных сообществ, в которой Российская империя, будучи православной цивилизацией, была «легитимизирована» Западом как равноправная сторона, в то время как «больной человек Европы» не смог получить такого признания.

Современный американский историк Л. Вульф предлагает применение методологии ориентализма Э. Саида для постижения феномена Восточной Европы, сформулированного в европейском обществе в эпоху Просвещения и нашедшем отклик в мировом сообществе в период Холодной войны в виде идеи «железного занавеса». Л. Вульф в своей работе освещает процесс конструкции жителями Западной Европы Европы Восточной, куда входит и Российская империя, как маргинального пространства между цивилизацией и варварством. Методологический инструментарий и источники исследования – воспоминания непосредственных путешественников и деятелей, связанных с Восточной Европой того времени – привели автора к выводу, что Восточный регион является западным ментальным проектом, который в последующем стал призмой восприятия народов Восточной Европы. Эпоха Восточного вопроса в работе Л. Вульфа освещена в разделе о переписке Екатерины II с Вольтером. По утверждению ученого, Российская империя последней четверти XVIII в. воспринималась французским философом как держава, ставшая на путь цивилизации, обладающая потенциалом принести «свет» на варварские с точки зрения Просвещения территории Османской империи: «...Вольтер предавался фантазиям о расширении ее (Екатерины II – Л.С.) владений, об объединении Восточной Европы под властью разума, которую олицетворяла собой немецкая принцесса»¹⁴. Таким образом, несмотря на иное содержание термина «цивилизация» в дискурсе эпохи Просвещения, статус Российской империи в Восточном вопросе снова принимает западную окраску.

Помимо работ, авторы которых непосредственно исследуют цивилизации, существуют труды, создатели которых используют цивилизационный метод в качестве дополнения к изложению проблемы с точки зрения дипломатии. Американский историк М. Грин, исследуя взаимоотношения ислама и Европы в XVIII ст., не детализирует состав категории «Европа» и не рассуждает об особом статусе России, помещая ее в западный блок великих держав. При обозначении дипломатической составляющей отношений упомянутых субъектов, М. Грин дополняет атмосферу того времени

¹¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 448.

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 65.

¹³ Там же. С. 67, 212, 213.

¹⁴ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 316-317.

за счет понятий «вестернизация» и «истернизация», процессов, значительно повлиявших на организацию внутреннего пространства Европы и Османской империи¹⁵.

Другой американский историк Д. Хупчик также использует цивилизационный инструментарий, близкий к схеме М. Джестроу. В поисках причин статуса Турции как пешки на дипломатической арене Д. Хупчик отмечает влияние традиционных для Европы антиисламских настроений. Европейское сообщество демонстрировало свое подсознательное нежелание смириться с пребыванием Османской империи в Европе, что проявилось в употреблении для турецкой столицы старого названия «Константинополь»¹⁶. Особенности Российской империи, которая вместе с Англией, по утверждению историка, составляла основу Восточного вопроса, вытекали из ее прошлого: сильного влияния пласта византийских традиций и периода подчинения мусульманским завоевателям. Изолированная от своего культурного источника на Балканах, притесненная мусульманами Азии, конфликтующая с европейцами на своих западных границах, Россия была вынуждена консолидироваться, положив в основу византийско-православный сегмент. Именно это и привело к существованию внутри империи чувства недоверия к Западу и враждебности к исламу¹⁷.

Из сказанного вытекает, что англоязычные историки начала XX в. рассматривали Российскую империю в Восточном вопросе как западную державу, что было обусловлено политической ситуацией времени создания научных работ, наличием общих неприятелей в лице Османской империи и Германии. Современные англоязычные специалисты усматривают незападный, либо маргинальный по отношению к Западу статус Российской империи в эпоху Восточного вопроса. По-видимому, немаловажным было то, что упомянутые нами историки второй половины XX ст. были современниками советского опыта России, что способствовало ее оценке как представительницы отдельной цивилизации. Включение историком М. Грин Российской империи в западную когорту обусловлено оптикой исследования, схожей по своей природе с позицией работ начала XX в.: наличием общей проблемы для Запада и России в лице Турции.

Примечательно, что смена национального фокуса историографического обзора также не предоставит единого взгляда на место Российской империи в Восточном вопросе.

Русская дореволюционная историография оставила наиболее известные концепции названной проблемы в трудах Н. Данилевского и С. Соловьева. Возникновение Восточного вопроса С. Соловьев объяснял осознанием человеком различной природы азиатского и европейского духа, противостоянием «степи и моря». В его трактовке Россия в XVI в. обратилась к Западу, чтобы получить свою часть греко-римского наследия. Острое внимание к проблеме существования Османской империи со стороны России было, по мнению ученого, результатом ее географической близости к этой державе как представителю Азии. Опасения Запада и его настороженность по отношению к Российской империи вызваны стремлением последней выполнить свой священный долг – защитить европейский подданных турков, но при этом, как утверждает историк, Россия вовсе не стремится к расширению своей территории. Таким образом, опасным ингредиентом в Восточном вопросе выступало старое консервативное поколение европейских дипломатов, которые не могли постигнуть истинное намерение Российской империи¹⁸.

Н. Данилевский отвергал трактовку Восточного вопроса в рамках дипломатии, утверждая, что его суть сводится к противостоянию Романо-германского и Славян-

¹⁵ Greene M. *Islam and Europe // A Companion to Eighteenth-Century Europe / Edited by Peter H. Wilson. Blackwell Publishing Ltd., 2008. P. 387–401.*

¹⁶ Hupchick D. *The Balkans: from Constantinople to Communism. New York, 2004. P. 254-255*

¹⁷ Там же. P. 248, 250-251.

¹⁸ Соловьев С.М. *Восточный вопрос // Сочинения Сергея Михайловича Соловьева. СПб., 1882. С. 294–300.*

ского миров. Ученый также подвергал критике взгляды С. Соловьева, утверждая, что Россия не может быть вписана в европейский лагерь участников, т.к. это не отвечает ее самобытности. Турецкое государство в Восточном вопросе у Н. Данилевского получает второстепенный статус, временно служащий прикрытием истинных намерений католического и протестантского мира – препятствовать становлению славянства как единой политической силы¹⁹.

В современной российской историографии обе традиции синтезированы и доработаны Н. Нарочницкой, которая видит истоки проблемы в неприятии «Западом православной России в ее ипостасях: как носительницы ненавистного византийского наследия, но при этом равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с собственным поиском универсального смысла мироздания»²⁰. Такое видение проблемы повлияло на другую идею исследовательницы: существование до сих пор не решенного Мирового восточного вопроса. Решение проблемы Н. Нарочницкая видит в конструктивном взаимном сотрудничестве России и Европы²¹.

Суммируя сказанное выше, следует отметить, что историки-современники Восточного вопроса по-разному оценивали место и роль своей державы в этом масштабном конфликте. Современная трактовка проблемы является органическим продолжением концепций Н. Данилевского и С. Соловьева, проникнута идеей толерантности, располагает Россию как особое пространство, перед которым стоит проблема налаживания взаимного диалога с Европой.

Сопоставление трактовок Восточного вопроса в русской и англоязычной историографии с точки зрения цивилизационного контакта позволяет сделать следующие выводы. В обеих оценках отсутствует единое понимание места Российской империи в Восточном вопросе, ее суммарный статус в историографическом понимании ранжируется от статуса полноправного участника западного сообщества до маргинального и в крайней степени незападного самобытного. Категория «западность» исчезает там, где интересы и действия Российской империи не совпадают с вектором западных великих держав; в таких случаях Россия в понимании историков двигалась по системе координат в направлении самобытности, становилась представительницей отдельной цивилизации в Восточном вопросе.

Определяя методологический потенциал использования категории «цивилизация», стоит отметить его значимость как дополнительного инструмента, позволяющего постигнуть суть и результат культурных контактов, которые не могут быть изучены в рамках «чистой» истории дипломатии. В условиях же его полного приложения, на наш взгляд, возможно решить задачу, поставленную М. Баргом перед цивилизацией как исследовательской категорией. Представление в работе американского историка Л. Вульфа процесса возникновения двух миров путем осмысления Востока представителями Запада действительно раскрывает роль человека как творца истории. Не менее важным является тот факт, что такие исследования помогают постигнуть механизм и характер образования ментальной картины мира. Американская исследовательница болгарского происхождения М. Тодорова в своих размышлениях о русском ориентализме приходит к выводу о необходимости использования в таких исследованиях философского наследия, посвященного проблеме познания «Другого»²². На наш взгляд, это послужит позитивному качественному обновлению методологического аппарата историков. Значение такой реорганизации выражено в идее современного философа М. Мамардашвили, по мнению которого, необходимым условием прогресса человечества есть осознание людьми существования проблем,

¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 360-393.

²⁰ Нарочницкая Н. Россия и мировой восточный вопрос // Международная жизнь. 1999. № 4. С. 18.

²¹ Там же. С. 23.

²² Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 344-359.

которые «нужно (снова и снова) превращать в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению»²³.

RUSSIAN EMPIRE AND THE EASTERN QUESTION: THE EXPERIENCE OF THE CIVILIZATIONAL CONTACT IN THE ENGLISH-SPEAKING HISTORIOGRAPHY

L.V. SENINA

*Chernigiv Taras Shevchenko National
Teachers' Training University, Ukraine*

e-mail: slv1512@mail.ru

The article overviews the works of the English-speaking scholars, who apply the category of civilization in studying world history and Eastern Question in particular. The author concludes with the idea that historians endow Russian Empire with different civilizational status that ranges from Western to separate non-Western one. The methodological importance of civilizational approach is considered as a realm for application of the “otherness” category.

Key words: Russian Empire, Eastern Question, Great powers, civilization, English-speaking historiography.

²³ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М., 2004. С. 15.